

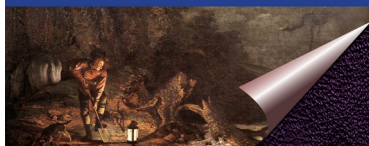
Вашингтон Ирвинг

Кладоискатели

Перевод с английского
Анания Бобовича

ФТМ

Вашингтон Ирвинг Кладобискатели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128135

Кладобискатели: 2015

ISBN 978-5-4467-0655-6

Аннотация

Вашингтон Ирвинг – первый американский писатель, получивший мировую известность и завоевавший молодой американской литературе «право гражданства» в сознании многоопытного и взыскательного европейского читателя, «первый посол Нового мира в Старом», по выражению У. Теккерея. Ирвинг явился первооткрывателем ставших впоследствии магистральными в литературе США тем, он первый разработал новеллу, излюбленный жанр американских писателей, и создал прозаический стиль, который считался образцовым на протяжении нескольких поколений. В новеллах Ирвинг предстает как истинный романтик. Первый романтик, которого выдвинула американская литература.

Содержание

Врата Дьявола	4
Пират Кидд	7
Дьявол и Том Уокер	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вашингтон Ирвинг

Кладоискатели

Врата Дьявола

*Теперь я вспомнил болтовню старух,
Как мне они нашептывали сказки
Об эльфах и тенях, скользящих ночью
В местах, где клад когда-то был зарыт.*

Марло «Мальтийский еврей»

Приблизительно в шести милях от достославного города, носящего имя Манхеттен, в том проливе, или, вернее, морском рукаве, который отделяет от материка Нассау, или, что то же, Лонг-Айленд, есть узкий проток, где течение, сжатое с обеих сторон высющимися друг против друга мысами, с трудом пробивается через отмели и нагромождения скал. Порою, однако, оно стремительно несется вперед и преодолевает эти препятствия в гневе и ярости, и тогда проток вскипает водоворотами, мечется и ярится белыми гребнями барашков, ревет и неистовствует на быстринах и бурунах – одним словом, предается безудержному буйству и бешенству. И горе тому злополучному судну, которое отважится в такой час ринуться ему в когти!

Это буйное настроение, впрочем, свойственно ему лишь по временам, в определенные моменты прилива или отлива. При низкой воде – правда, считанные минуты – течение бывает так спокойно и тихо, что о лучшем нечего и мечтать; но едва начнет подниматься вода, как на него нападает безумие, и когда прилив достигает половины своей высоты, оно мечется и беснуется, как забулдыга, жаждущий выпить. Но вот вода поднялась до наивысшего уровня – и течение снова делается спокойным и на время засыпает столь же сладко и безмятежно, как олдермен после обеда. И вообще его можно сравнить с задирой-пьянчужкою, малым миролюбивым и тихим, когда ему нечего выпить или, напротив, когда он пропитался выпивкою насквозь, и сущим дьяволом, когда он только навеселе.

Этот могучий, бурный, буйный и пьяный проток, будучи опаснейшим для плавания местом, доставлял немало неприятностей и хлопот голландским морякам былых дней; он самым бесцеремонным образом швырял их похожие на лохани суда, кружил их вихрем в водоворотах, и притом с такой быстротой, что у всякого, кроме голландца, непременно закружилась бы голова; он нередко бросал их на скалы и рифы, как это случилось, например, со знаменитой эскадрой Олофа Сновидца, разыскивавшего в то время подходящее место для закладки Манхеттена. Именно тогда, будучи вне себя от ярости и досады, он и его спутники прозвали эту стремнину «Хелле-Гат»¹ и торжественно отдали ее во владение дьяволу. Это название было переосмыслено впоследствии англичанами и превратилось в «Хелл-Гейт»², а на устах незваных пришельцев, не понимавших ни по-голландски, ни по-английски – да поразит их святой Николай! – даже в совершенно бессмысленное «Хорл-Гейт».

Врата Дьявола в детстве моем внушали мне ужас и были ареною моих рискованных предприятий; будучи мореплавателем этих мелких морей, я не раз во время воскресных ски-танний, которые обожал, как и все голландские пострелы-мальчишки, подвергался опасности

¹ Helle gat – чертова дыра (голл.)

² Hell-gate – врата дьявола (англ.)

потерпеть кораблекрушение и утонуть. И впрямь, отчасти из-за названия, отчасти по причине различных связанных с этим местом необыкновенных событий и обстоятельств, в моих глазах и в глазах моих вечно праздных приятелей Врата Дьявола были неизмеримо страшнее, чем Сцилла и Харибда³ для моряков древности.

Посредине этой стремнины, рядом с группой скал, называемых «Курица и цыплята», виднелся остов разбитого судна, попавшего в водоворот и во время шторма выброшенного на камни. Передавали, что это пиратский корабль, и еще какую-то историю о страшном убийстве – что именно, я не помню, – заставлявшую нас смотреть на разбитый корпус с паническим страхом и объезжать его по возможности дальше. И действительно, унылый вид разрушающегося корабельного остова и место, в котором он гнил в одиночестве, были сами по себе достаточным основанием, чтобы породить причудливые образы и представления. Ряд почерневших от времени, едва выступавших над поверхностью судовых ребер – вот все, что мы видели при высокой воде; но когда начинался отлив, обнажалась довольно значительная часть корабельного корпуса, и его могучие ребра или шпангоуты с нависшими на них водорослями, проглядывавшие сквозь отпавшую местами обшивку, казались огромным костяком какого-то морского чудовища. Над водой высился даже обрубок мачты с болтавшимися вокруг него концами канатов и блоками, которые скрипели при ветре, и над меланхоличным корпусом корабля описывала круги и пронзительно кричала прилетевшая с моря чайка. Я смутно припоминаю рассказы о матросах-призраках, которых иногда видели ночью на корабле; у них были голые черепа, в их пустых глазных впадинах горели синие огоньки, но я успел запомнить подробности.

Эти места были для меня областью сказки и вымысла, чем-то вроде Пролива Чудовищ у древних. Берега рукава, от Манхеттена и до самой стремнины, весьма живописны; они изрезаны крошечными скалистыми бухточками, над которыми простирают свои ветви деревья, придающие им дикий и романтический вид. В дни моего детства с этими потаенными уголками связывалось бесчисленное множество легенд и преданий, повествовавших о пиратах, духах, контрабандистах и зарытых сокровищах; эти предания пленяли мое воображение и воображение моих юных спутников. Достигнув зрелого возраста, я произвел тщательное расследование, поставив себе целью выяснить, есть ли в этих преданиях хоть чуточку правды; я всегда с живым интересом изучал эту драгоценную, но темную область истории моего края. Впрочем, добываясь достоверных известий, я встретился с бесконечными трудностями. Прежде чем мне удавалось докопаться до какого-нибудь давно забытого факта, я наткался на невероятное количество басен и сказок. Я не стану распространяться о «Чертовом переходе», по которому сатана, как по мосту, ретировался через пролив из Коннектикута на Лонг-Айленд, ибо эта тема, кажется, уже разрабатывается одним моим учеником и достопочтеннейшим другом-историком, которого я снабдил некоторыми подробностями по этому поводу⁴. Равным образом я умолчу также и о черном призраке в треуголке, которого не раз замечали в непогоду у Врат Дьявола на корме утлой шлюпки, который известен под именем Пират-привидение и которого, как носилась молва, губернатор Стюйвезент застрелил когда-то серебряной пулей, ибо мне так и не пришлось встретить кого-либо, заслуживающего доверия, кто подтвердил бы, что видел этого черного человека, за исключением разве вдовы Мануса Конклина, кузнеца из Фрогснека; но бедная женщина была немного подслеповата и могла впасть в ошибку, хотя утверждают, будто в темноте она видела много лучше, чем кто бы то ни было.

³ Сцилла и Харибда – два расположенных друг против друга утеса в Мессинском проливе. Упоминаются в Одиссее (XII песнь) как утесы-чудовища, нападавшие на проходящие мимо корабли.

⁴ Чрезвычайно интересный и основанный на подлинных документах рассказ о дьяволе и о «Чертовом переходе» см. в весьма ценном докладе, прочитанном на заседании Нью-Йоркского исторического общества, уже после смерти мистера Никкербоккера, одним из его друзей, выдающимся местным юристом. (Примеч. авт.)

Все это, впрочем, вещи второстепенные по сравнению с рассказами о пиратах и зарытых ими сокровищах, которые больше всего возбуждали мое любопытство. Нижеследующее – вот все, что мне удалось собрать за весьма продолжительный срок и что имеет подобие достоверности.

Пират Кидд

Вскоре после того, как Новые Нидерланды были отняты королем Карлом II у их светлостей, господ Генеральных Штатов Голландии, эта провинция, в которой все еще не восстановились спокойствие и порядок, сделалась пристанищем всякого рода авантюристов, бродяг и вообще любителей легкой наживы, живущих своим умом и ненавидящих старомодные стеснения со стороны Евангелия и закона. Среди них первое место принадлежало буканьерам⁵. Эти морские грабители получили, быть может, воспитание на каперских кораблях, являвшихся отличною школой пиратства, и, вкусив единожды от прелести грабежа, продолжали тянуться к нему всей душою. Ведь от капера⁶ до пирата всего-навсего один шаг: и тот и другой сражаются из любви к грабежу; последний, впрочем, должен обладать большей отвагою, ибо он бросает вызов не только врагу, но и виселице.

Но в какой бы школе они ни прошли обучение, буканьеры, державшиеся вблизи берегов английских колоний, были ребята дерзкие и отважные; несмотря на мирные времена, они вершили свое черное дело, нападая на испанские поселения и испанских купцов. Легкий доступ в гавань Манхеттена, обилие в его водах укромных местечек и слабость недавно установившейся власти привели к тому, что этот город сделался сборным пунктом пиратов; здесь они могли спокойно распорядиться добычею и не спеша, на досуге, готовиться к новым набегам. Возвращаясь сюда с богатыми и чрезвычайно разнообразными грузами, роскошными произведениями тропической природы и награбленной в испанских владениях драгоценной добычей, распоряжаясь всем этим с вошедшей в поговорку корсарской беспечностью, они были желанными гостями для корыстных купцов Манхеттена. Толпы этих десперадо⁷, уроженцев любого государства и любой части света, среди бела дня, расталкивая локтями мирных и невозмутимых мингеров, шумели и буянили на сонных улицах городка; сбывали ловким и жадным купцам свой богатый заморский товар за половину или даже за четверть цены и затем прокучивали в кабаках вырученные за него деньги; пили, резались в карты и кости, драли глотку, стреляли, божились и сквернословили, а своими криками, полуночными драками и буйными выходками будили и пугали обитателей ближних кварталов.

В конце концов эти бесчинства приняли настолько угрожающие размеры, что стали позором провинции и побудили громко воззвать к вмешательству власти. Были приняты меры, имевшие целью положить предел этой успевшей разрастись общественной язве и вышвырнуть из колоний всех присосавшихся к ним тунеядцев и паразитов.

Среди лиц, привлеченных властями к выполнению этой задачи, был и знаменитый капитан Кидд. В продолжение долгого времени никто в сущности не знал его настоящего образа жизни; он принадлежал к разряду тех не поддающихся определению океанских животных, о которых можно сказать, что они – не рыба, не мясо и не курятина. Он был немножко купцом и еще больше контрабандистом, от которого к тому же весьма и весьма разило морским разбоем. Немало лет торговал он с пиратами на своем крохотном, mosquito-образном суденышке, которое было пригодно для плаванья в любых водах. Он знал все их

⁵ Буканьеры или флибустьеры – пираты английского или французского происхождения, грабившие в XVII–XVIII веках испанские колонии в Америке.

⁶ Капер – частное морское судно, нападавшее во время войны на неприятельские суда с ведома правительства той страны, под флагом которой оно плавало.

⁷ Отчаянных (исп.)

стоянки и укромные уголки, постоянно бывал в каких-то таинственных плаваниях и носился с места на место, как цыпленок матушки Кери в ненастье⁸.

Этот невообразимый субъект, будучи для подобного дела человеком вполне подходящим, получил от властей поручение охотиться за пиратами на море – ведь гласит же золотое старинное правило, что «для поимки плута нет никого лучше, чем плут», и ведь ловят же иногда рыбу при помощи выдр, этих двоюродных братьев рыбьего племени.

Итак – дело происходило в 1695 году – Кидд снялся с якоря и на хорошо вооруженном и снабженном должными полномочиями боевом корабле, носившем название «Приключение», отплыл из Нью-Йорка. Добравшись до места своих прежних стоянок, он заново и на новых условиях подобрал для себя экипаж, включил в его состав довольно значительное число своих старых приятелей – рыцарей ножа с пистолетом – и после этого взял курс на восток. Вместо того чтобы заняться преследованием пиратов, он сам взялся за пиратское ремесло. Он повел свой корабль к Мадейре, Бонависте и Мадагаскару и затем принялся крейсировать у входа в Красное море. Здесь, не говоря уже о прочих грабительских нападениях, он захватил богатое торговое судно; команда его состояла из мавров, но капитаном был англичанин. Кидд охотно выдал бы это за подвиг, за своего рода крестовый поход против неверных, но правительство уже давным-давно потеряло вкус к подобным «триумфам» христианства.

Так, скитаясь по морям, торгуя награбленным и меняя один за другим корабли, провел он несколько лет и возымел, наконец, смелость возвратиться в Бостон, куда и прибыл с богатой добычей и ватагою шумных товарищей в качестве свиты.

Времена, однако, переменились. Буканьеры теперь уже не могли безнаказано появляться в колониях. Новый губернатор лорд Беллемонт проявлял исключительную энергию в деле искоренения этого зла и к тому же был раздражен поведением Кидда, ибо по его, лорда Беллемонта, ходатайству Кидду оказали доверие, которого он, однако, не оправдал. Поэтому, едва Кидд прибыл в Бостон, власти забили тревогу по поводу его возвращения и приняли меры, чтобы арестовать этого морского грабителя. Однако неоднократно проявленная Киддом отвага и его готовые на все, отчаянные товарищи, которые, точно бульдоги, следовали за ним по пятам, были причиной того, что его арестовали не сразу. Он, как говорят, использовал эту отсрочку, чтобы зарыть большую часть – своих огромных сокровищ, и затем с высоко поднятой головой появился на улицах города. При аресте он пытался сопротивляться, но был обезоружен и вместе со своими телохранителями брошен в тюрьму. Этот пират и команда его корабля, даже будучи взяты под стражу, казались властям настолько опасными, что они решили снарядить целый фрегат, дабы доставить их в Англию. Его товарищи приложили немало усилий, надеясь вырвать его из рук правосудия, но все было напрасно – он и его сообщники предстали перед судом, были осуждены и повешены в Лондоне. Смерть Кидда была мучительной: веревка, не выдержав тяжести его тела, оборвалась, и он упал на землю. Его вздернули снова, и на этот раз с большим успехом. Отсюда, без сомнения, берет начало предание, будто жизнь его была заговорена и судьба готовила ему быть повешенным дважды.

Такова в общих чертах история Кидда; эта история, однако, породила неисчислимую вереницу потомков. Рассказы, что будто бы перед арестом он успел зарыть сказочные сокровища, состоявшие из золота и драгоценностей, взбудоражили умы всего честного народа на побережье. Без конца возникали все новые и новые слухи о якобы найденных здесь или там крупных денежных суммах или о монетах с арабскими надписями, награбленных, без сомнения, Киддом во время его восточного плавания, монетах, на которые простой люд

⁸ Цыпленок матушки Кери (Mother's Cary Chicken) – так английские матросы называют глупыша (морскую птицу). Mother Cary – искаженное Mater cara (лат.), то есть Богородица.

взирал с суеверным страхом, ибо арабские буквы казались ему магическими письменами самого дьявола.

Утверждали, что эти сокровища зарыты в уединенных, пустынных уголках между Плимутом и мысом Код; постепенно, впрочем, благодаря этим слухам, народное воображение позолотило и другие места, и притом не только на восточном берегу, но даже вдоль берегов Саунда, Манхеттена и Лонг-Айленда. Суровые меры лорда Беллемонта чрезвычайно напугали буканьеров, в какой бы части провинции они в то время не находились: они поспешно припрятали свои деньги и драгоценности в глухих, расположенных вдали от дорог тайниках, на диком, необитаемом морском и речном берегу и рассеялись по лицу всей страны. Рука правосудия навсегда отняла у многих из них возможность возвратиться назад и выкопать спрятанные ими сокровища, которые остались лежать в земле и, быть может, остаются там и по сей день на соблазн кладоискателям.

В этом и следует видеть источник столь частых известий о деревьях и скалах, на которых якобы обнаружены какие-то таинственные метки и знаки, заставляющие предположить, что они служили для указания мест, где были зарыты богатства; многие усердно занимались поисками пиратской добычи. Во всех повествующих об этих попытках рассказах – а таких рассказов когда-то ходило великое множество – дьяволу отводится чрезвычайно видное место. Его приходится улещивать специальными церемониями и заклинаниями, либо с ним заключают торжественный договор. Впрочем, он все-таки норовит сыграть с кладоискателями какую-нибудь скверную шутку. Иным из них удавалось даже дорыться до железного сундука, но всякий раз, разумеется, случалось что-нибудь неожиданное. То, сколько бы они ни копали, яму снова засыпало землей, то страшный грохот или появление призраков наполняли их ужасом и заставляли бежать без оглядки; порою, наконец, являлся сам дьявол и отнимал добычу у них из-под носу, и, возвратившись утром на прежнее место, они не могли обнаружить ни малейших следов своей работы в минувшую ночь.

Все эти толки, однако, были чрезвычайно туманны и долгое время терзали мое неудовлетворенное любопытство. Ничто на свете не добывается с такими трудами, как истина, а истина для меня – самое дорогое на свете. Я обратился к моему излюбленному источнику достоверных известий по истории края – к старейшим жителям этих мест, в особенности к старухам-голландкам, но, хотя я тешу себя надеждой, что лучше, чем кто-либо, осведомлен по части преданий и поверий родного края, все же мои разыскания в продолжение долгого времени не приводили к сколько-нибудь существенным результатам.

Наконец как-то ясным солнечным днем, в конце лета, отдыхая после напряженных занятий, я развлекался рыбной ловлей в тех самых местах, в которых обожал пропадать в дни моего детства. Я находился в обществе нескольких почтенных обитателей моего города – среди них были видные члены общины, имена которых, если бы я осмелился их назвать, оказали бы честь моим скромным писаниям. Наша ловля шла как нельзя хуже. Рыба решительно отказывалась клевать, и мы часто меняли место, что, впрочем, не приносило нам счастья. Мы бросили якорь в конце концов у самого берега, под выступом скалы, на восточной стороне острова Манхеттен. Был тихий и теплый день. Мимо нас стремительно неслась и кружила воду река, но нигде не виднелось ни малейшей волны, ни даже ряби; все кругом пребывало в таком спокойствии и такой безмятежности, что нас почти изумляло, когда с ветки сухого дерева вдруг внезапно срывался зимородок, который, целясь, повисал на мгновение в воздухе и потом падал камнем за добычей в тихую воду. И в то время как, небрежно развалясь в лодке, убаюканные теплом и спокойствием дня, а также безнадежною скукою нашей неудачливой ловли, мы мирно клевали носами, одного достопочтенного олдермена из нашей компании одолел сон, и пока он дремал, грузило его удочки ушло на самое дно. Пробудившись, он обнаружил, что поймал нечто тяжелое. Он торопливо вытащил удочку, и мы были немало удивлены, увидев длинный, странный с виду пистолет чуже-

земного образца, который, судя по покрывавшей его ржавчине, а также по тому, что ложе его было изъедено червями и поросло раковинами, пролежал под водою изрядно долгое время. Неожданное появление этого памятника военной истории предков вызвало моих мирных приятелей на оживленные толки. Один из них высказал предположение, что пистолет попал в воду во время войны за независимость; другой, основываясь на необычности его вида, считал, что владелец его – кто-нибудь из первых переселенцев, быть может даже славный Адриан Блок, который исследовал Саунд и открыл миру Блок-Айленд, пользующийся с той поры такою известностью благодаря своему сыру. Третий однако, рассмотрев его внимательнее других, заявил, что он бесспорно испанской работы.

– Я убежден, – сказал он. – что если бы этот пистолет обладал даром речи, он поведал бы нам любопытнейшие истории о жарких схватках с испанскими донами. Я не сомневаюсь, что это – след буканьеров былых дней; кто знает, не принадлежал ли он самому Кидду?

– Да, этот Кидд был малый не промах, – вскричал старый китолов с мыса Код. – Ему посвящена одна славная старая песенка:

*Я прозываюсь шкипер Кидд,
Собравшись в путь, собравшись в путь... –*

и, хотя она состоит всего из нескольких слов, все же в ней рассказывается, как он завоёвывал расположение дьявола, зарыв в песок свою Библию:

*Держал я Библию в руке,
Собравшись в путь, собравшись в путь,
И схоронил ее в песке,
Собравшись в путь, собравшись в путь.*

– Черт побери, если бы я думал, что этот пистолет и впрямь принадлежал Кидду, я счел бы его чрезвычайно ценною штукой; вот было бы здорово!.. Кстати, я вспоминаю об одном парне, которому удалось выкопать зарытые Киддом деньги, – эту историю записал когда-то один из моих соседей; я выучил ее наизусть. И так как рыба все еще не клюет, я готов, пожалуй, ее рассказать.

Произнеся эти слова, он поведал нам нижеследующее.

Дьявол и Том Уокер

В Массачусетсе, недалеко от Бостона, есть небольшая, но глубокая бухта, которая, начинаясь у Чарльс-Бей, вдается, делая петли, на несколько миль в материк и упирается в конце концов в заросшее густым лесом болото, или, вернее, топь. По одну сторону этой бухточки тянется прелестная тенистая роща, тогда как на противоположном ее берегу, у самой воды, круто вздымается довольно значительная возвышенность, на которой растет несколько одиноких старых могучих дубов. Под одним из этих гигантских деревьев, как повествует предание, были зарыты сокровища Кидда. Наличие бухты позволило ему без особых хлопот глухой ночью, сохраняя полнейшую тайну, перевезти в лодке свою казну к самой подошве возвышенности; высота места облегчила возможность удостовериться в том, что поблизости нет посторонних свидетелей, и, наконец, деревья, приметные издали, служили отличными вехами, с помощью которых впоследствии можно было бы без труда разыскать спрятанный клад. Предание добавляет также, будто руководство во всем этом деле принадлежало не кому иному, как самому дьяволу, который и взял под свою охрану сокровища Кидда; известно, впрочем, что совершенно так же он поступает со всеми припрятанными богатствами, в особенности если они добыты нечистым путем. Как бы там ни было, но Кидду так и не удалось возвратиться назад и воспользоваться своими деньгами; вскоре он был арестован в Бостоне, отвезен в Англию, осужден как пират и повешен.

В 1727 году, то есть в том самом году, когда Новую Англию постигли страшные землетрясения, побудившие многих закоренелых грешников преклонить в молитве колени, близ этого места проживал тощий скаредный малый по имени Том Уокер. Жена его отличалась такой же скаредностью; они были настолько скаредны, что постоянно норовили как-нибудь обмануть друг друга. Все, до чего добиралась рука этой женщины, тотчас же попадало в ее тайники; не успеет, бывало, закудаhtать во дворе курица, как она тут как тут, чтобы завладеть свежеснесенным яйцом. Ее муж постоянно рыскал по дому в поисках ее тайных запасов, и немало жарких споров происходило у них из-за того, что обычно считается общою собственностью. Они обитали в ветхом, одиноко стоявшем, с виду даже вовсе необитаемом доме, который всем своим обликом напоминал голодающего. Вокруг него росло несколько красных кедров, которые, как известно, являются эмблемой бесплодия; над его трубою никогда не вился дымок, ни один путник не останавливался у его двери. Жалкая тощая лошадь – ее ребра можно было пересчитать с такою же легкостью, как прутья рашпера⁹, – уныло бродила на небольшом поле у дома, и тонкий слой мха, едва прикрывающий находящийся под ним щебень, терзал и обманывал ее голод. Выглядывая порой поверх изгороди, она жалобно смотрела в глаза прохожему и молила, казалось, о том, чтобы ее взяли с собою из этой страны вечного голода.

И дом и его обитатели пользовались дурной славой. Жена Тома была на редкость сварлива, обладала вздорным нравом, неумолимым языком и тяжелой рукой. Нередко можно было услышать ее пронзительный голос во время словесных перепалок с супругом, и его лицо время от времени явственно свидетельствовало о том, что эти сражения не всегда оставались чисто словесными. По этой причине никто не отваживался вмешиваться в их ссоры. Одиноким путник, заслышав внутри дома крики и брань, норовил проشمыгнуть где-нибудь стороной, бросал косые взгляды на это царство раздора и радовался – если был холост, – что не познал прелестей брака.

Уйдя однажды на порядочное расстояние от дома, Том Уокер решил возвратиться кратчайшим путем – так по крайней мере ему казалось – через болото. Как большинство кратчай-

⁹ Рашпер – решетка для жарения дичи.

ших путей вообще, это была неудачно выбранная дорога. Болото заросло большими мрачными соснами и хемлоками¹⁰, иные из них достигали девяноста футов высоты, поэтому даже в полдень в этих зарослях царил полумрак, что делало их убежищем для сов всей округи. Тут было множество ям и топей, лишь слегка прикрытых травой и мхом; их зелень нередко обманывала неосторожного путника, и он попадал в трясину, где его засасывала черная, вязкая грязь; тут были также темные замшелые лужи, приют головастиков, исполинских лягушек и водяных змей, и лежавшие в этих лужах наполовину затонувшие стволы гниющих сосен и хемлоков были похожи на зарывшихся в грязь дремлющих аллигаторов.

Том долго и осторожно пробирался через этот предательский лес. Он переступал с кочки на кочку, но это были не слишком надежные точки опоры среди глубокой трясины, или ловко, как кошка, тщательно рассчитывая шаги, подвигался вперед по стволам поваленных бурей деревьев, останавливаясь время от времени при неожиданном вскрике выпи или криканье дикой утки, поднявшейся с какого-нибудь уединенного озера. Наконец он достиг участка твердой земли, которая, наподобие полуострова, была окружена с трех сторон болотной топью. Это место было оплотом индейцев во время их войн с первыми колонистами. Здесь они воздвигли нечто вроде редута, на который смотрели как на почти неприступное укрепление и которым пользовались в качестве убежища для своих жен и детей. От старого укрепления, впрочем, не осталось почти ничего; разве только невысокая насыпь, которая, разрушаясь, почти сровнялась с землей и успела порастить дубами и другими деревьями, листва которых составляла резкий контраст темным соснам и хемлокам, что высились на болоте.

Когда Том Уокер добрался до старого укрепления, было уже не рано, близились сумерки. Он остановился, чтобы немного передохнуть. Всякий другой постарался бы не задерживаться в этом глухом, навевающем тоску месте, ибо в народе ходили о нем скверные слухи, порожденные рассказами времен ожесточенной борьбы с индейцами; утверждали, будто именно здесь происходили их колдовские шабаши и жертвоприношения в честь злого духа.

Подобные страхи, однако, были Тому Уокеру нипочем. Он отдыхал на стволе сломанного хемлока, прислушивался к зловещему кваканью древесной лягушки и расковыривал палкой кучку черной земли рядом с собой. Продолжая бессознательно раскапывать землю, он почувствовал, что его палка наткнулась на что-то твердое. Он выгреб из образовавшейся ямки слежавшийся в ней перегной, и перед ним оказался расколотый череп с глубоко вонзившимся в него томагавком. Ржавчина на его лезвии указывала на время, протекшее с той поры, как был нанесен этот смертельный удар. Это было мрачное напоминание о кровавой борьбе, происходившей в этой последней твердыне индейских воинов.

– Гм, – буркнул Том Уокер, ударив череп ногою, чтобы стряхнуть с него налипшую грязь.

– Оставь этот череп в покое, – произнес чей-то грубый и хриплый голос. Том поднял глаза и увидел перед собою широкоплечего черного человека, сидевшего прямо против него на пне. Его поразило, что он не слышал и не видел, как подошел его собеседник, и он пришел в еще большее изумление, когда, насколько позволила сгустившаяся мгла сумерек, рассмотрел незнакомца и обнаружил, что тот – не негр и не индеец. Хотя он и был одет в грубую, наполовину индейскую одежду и обмотал вокруг своего тела красный пояс, или, вернее, шарф, но его лицо не было ни черным, ни медно-красным, а скорее смуглым, закопченным и измазанным сажей, точно он постоянно работал у горна. Его голову венчала копна черных, торчавших во все стороны жестких волос; на плече он держал топор.

¹⁰ Хвойное дерево, весьма распространенное в США.

Несколько мгновений он внимательно рассматривал Тома, устремив на него взгляд больших красных глаз.

– Что тебе надо в моих владениях? – спросил черный человек грубым и злобным голосом.

– В твоих владениях? – ответил Том, усмехаясь. – Не больше твоих, чем моих: они принадлежат дьякону Пибоди.

– Будь он проклят, твой дьякон Пибоди! – сказал незнакомец. – Я надеюсь, что так и случится, если он не подумает о своих собственных прегрешениях и не оставит в покое грехи своих ближних. Взгляни-ка туда, и ты увидишь, как обстоят дела дьякона Пибоди.

Том посмотрел в указанном ему направлении и увидел большое дерево, сильное и красивое с виду, но насквозь гнилое; оно было подрублено с одной стороны. Он понял, что час этого дерева пробил и первым же ветром оно будет свалено на землю. На коре дерева было вырезано имя дьякона Пибоди, человека в этих местах значительного, нажившегося на обмане индейцев. Он убедился также, что множество крупных деревьев помечено именем богатых людей колонии и что все хоть сколько-нибудь подрублены топором. То, на которое он присел и которое было, по-видимому, только что свалено, носило на себе имя Кроуниншильда, и он припомнил этого богача, который кичился своим богатством, приобретенным, как передавали на ухо, при помощи морского разбоя.

– С этим уже покончено – пойдет на дрова! – сказал черный человек со злой радостью в голосе. – Люблю, понимаешь, запастись на зиму топливом.

– Но какое ты имел право, – спросил Том, – валить лес дьякона Пибоди?

– Право первенства, – ответил его собеседник. – Эти леса принадлежали мне с незапамятных пор, я владел ими задолго до того времени, как люди вашей бледнолицей породы ступили на эту землю.

– Но скажите, пожалуйста, осмелюсь задать вопрос, кто вы такой? – сказал Том.

– О, у меня много имен! В одних странах меня зовут диким охотником, черным рудокопом – в других. В этих местах я известен под именем черного дровосека. Я тот, кому краснокожие посвятили это местечко; воздавая мне почести, они время от времени поджаривали на костре белого, ведь жертвоприношение этого рода распространяет чудеснейший аромат. Ну а после того, как вами, белыми дикарями, истреблены краснокожие, я развлекаюсь тем, что руковожу преследованием квакеров и анабаптистов; кроме того, я – покровитель и защитник работоторговцев и великий мастер салемских колдуний¹¹.

– В итоге, если не ошибаюсь, – бесстрашно заметил Том, – вы тот, кого в просторечии зовут Старым Чертякой.

– Он самый, к вашим услугам! – ответил черный человек, почти учтиво кивнув головой.

Так, согласно преданию, началась их беседа; впрочем, она кажется мне чересчур фамильярной, и я сомневаюсь в правдивости приведенного мною рассказа. Иной мог бы подумать, что встреча со столь необыкновенною личностью, и притом в таком диком и глухом месте, должна была бы по меньшей мере ошеломить всякого, кем бы он ни был; но следует помнить, что Том был парнем отважным, нелегко поддавался страху и к тому же столь долго жил со сварливой женой, что ему и дьявол был нипочем.

Передают, что после вышеприведенного начала они долго и серьезно беседовали и что Том не скоро еще воротился домой. Черный человек рассказал ему о несметных сокровищах, погребенных пиратом Киддом под дубами, что растут на возвышенности, недалеко

¹¹ Салем – город в США близ Бостона. Ирвинг имеет в виду ведьмовские процессы, происходившие здесь в конце XVII века, когда по обвинению в колдовстве специальный трибунал, ведавший делами такого рода, бросил в тюрьму сотни людей, из числа которых девятнадцать были казнены.

от болота. Все эти богатства находятся в его власти, пребывают под его защитой и покровительством, и разыщет их только тот, кто отмечен его благосклонностью. Он предлагал предоставить клад Кидда в распоряжение Тома, ибо испытывает к нему исключительную симпатию, но, разумеется, готов это сделать лишь на известных условиях. В чем эти условия состояли, догадаться, конечно, нетрудно, хотя Том и не предал их гласности. Надо полагать, однако, что они были весьма тяжелы, ибо Том попросил времени на размышление, а он был не такой человек, чтобы мешкать по пустякам, когда дело идет о деньгах. Они подошли к краю болота; незнакомец остановился.

– Чем могли бы вы доказать, что все это правда? – спросил его Том.

– Вот тебе моя подпись, – сказал черный человек, приложив ко лбу Тома указательный палец. Произнеся эти слова, он свернул в заросли на болоте и, согласно свидетельству Тома, стал постепенно погружаться в трясину; голова и плечи были видны еще несколько времени; потом он вовсе исчез.

Воротившись домой. Том обнаружил у себя на лбу черный, точно выжженный огнем, отпечаток пальца, и его никакими силами невозможно было стереть.

Первое, что сообщила ему жена, было известие о внезапной кончине Абсалом Крониншильда, богача-буканьера. Газеты с обычным в таких случаях пафосом доводили до всеобщего сведения, что «пал средь Израиля муж велий».

Тому вспомнилось дерево, которое срубил и собирался сжечь его черный приятель. «Ну и пусть! Пусть себе жарится этот корсар! Какое кому до этого дело!» И он убедился, что все виденное и слышанное им в течение дня – сушая правда, а не игра его воображения.

Вообще говоря, Том не очень-то откровенничал со своею женой, но на этот раз его тайна была не из таких, которые легко держать про себя, и он волей-неволей поделился ею с супругой. Но едва поведал он о золоте Кидда, как в ней тотчас же проснулась вся ее жадность, и она принялась настаивать, чтобы Том согласился на условия черного человека и не упускал возможности обеспечить себя на всю жизнь. Хотя Том и сам был бы не прочь продать душу дьяволу, он решил все же не делать этого, чтобы не уступить, упаси Боже, настояниям жены, и из духа противоречия наотрез отказался от этого плана. Его отказ вызвал немало жарких схваток меж ними, но чем больше она настаивала, тем непреклоннее делался Том, отнюдь не желавший брать на себя проклятие в угоду жене.

В конце концов она решила действовать на свой риск и страх и, если бы ее попытка увенчалась успехом, единолично завладеть всеми богатствами. Будучи столь же бесстрашна, как и ее достойный супруг, она направилась как-то под вечер к старому индейскому укреплению. Протекло немало часов, прежде чем она воротилась. Она была молчалива и избегала отвечать на вопросы. Правда, она упомянула о черном человеке, на которого наткнулась уже в сумерки и который рубил высокое старое дерево. Он был, однако, угрюм и не пожелал вступать с нею в переговоры; ей придется пойти туда еще раз с подношением, чтобы умиловить его, – с каким именно, она сообщить воздержалась.

На следующий день, и опять на закате, она снова пошла к болоту; в своем переднике она несла что-то тяжелое. Том нетерпеливо поджидал ее возвращения, но его ожидания оказались напрасными; наступила полночь – ее не было, миновали утро, полдень, и опять пришла ночь – жены по-прежнему не было. Тут Том стал беспокоиться, и его беспокойство возросло еще больше, лишь только он обнаружил, что она унесла в переднике серебряный чайник и ложки, вообще все ценное, что только могла взять с собой. Прошла еще одна ночь, миновало еще одно утро – жена так и не возвратилась. Короче говоря, с той поры о ней не было больше ни слуху ни духу.

Что приключилось с нею в действительности, этого не знает никто, несмотря на то, а может быть, и вследствие того, что слишком многие старались это узнать. Эта история принадлежит к числу тех, которые стали темными и запутанными из-за чрезмерно большого

количества занимавшихся ею историков. Некоторые из них уверяли, будто, заблудившись среди лабиринта тропинок, она угодила в яму или в трясину; другие – менее снисходительные – склонялись к тому, что, скрывшись со всеми домашними ценностями, она перебралась затем в другую провинцию, тогда как третьи высказывали предположение, что соблазнитель рода людского завлек ее куда-нибудь в непроходимую топь, поверх которой и была найдена ее шляпка. Говорили – и это также служит доказательством истинности последнего предположения, – что в тот самый день, когда она ушла из дому, якобы видели поздно вечером какого-то дюжего черного человека с топором на плече, который шел со стороны топи и с торжествующим видом, нес в руках узел, увязанный в передник из клетчатой ткани.

Наиболее распространенная и в то же время самая достоверная версия настаивает на том, что Том Уокер, обеспокоенный судьбой жены и имущества, пустился в конце концов на поиски их обоих и отправился с этой целью к индейскому укреплению. В продолжение долгого летнего дня бродил он в этих мрачных местах, но так и не нашел ни малейших следов жены. Он неоднократно звал ее по имени, но никто не откликнулся на его зов. Только выпь, пролетая мимо, отвечала ему, или в ближней луже меланхолически квакала большая лягушка, называемая быком. Наконец, как рассказывают, уже во мгле сумерек, в тот час, когда начинают завывать совы и носиться взад и вперед неугомонные летучие мыши, его внимание было привлечено карканьем кружившейся у кипариса стаи ворон. Он поднял глаза и увидел висевший на ветвях дерева узел, завязанный в клетчатый передник, и рядом – огромного коршуна, который, примостившись тут же, нес, казалось, его охрану. Том запрыгал от радости, ибо узнал передник жены и решил, что в нем он вновь обретет домашние ценности.

«Итак, вернем себе вещи, – подумал он с облегчением, – и обойдемся как-нибудь без жены».

Том влез на дерево; коршун, расправив могучие крылья, поднялся с места и с клекотом улетел во тьму вечернего леса. Том схватил клетчатый узел, и – о ужас! – в нем не было ничего – ничего, кроме человеческого сердца и печени.

Вот и все, что, согласно наиболее достоверной версии, осталось от жены Тома. Быть может, она попыталась вести себя с черным человеком так же, как привыкла вести себя с мужем, но, хотя на сварливую женщину смотрят обычно как на достойную пару для дьявола, тем не менее на этот раз ей пришлось, видимо, солоно. Она пала, впрочем, смертью храбрых, ибо, как рассказывают, Том обнаружил у подножия дерева глубоко врезавшиеся в землю отпечатки копыт, а также клочок волос, вырванных, надо полагать, из жесткой шевелюры широкоплечего дровосека. Том знал по опыту, что представляла собою отвага его жены. Осмотрев следы отчаянной схватки, он только пожал плечами. «Вот это да! – сказал он, обращаясь к себе самому. – Туговато пришлось, однако, этому черту!»

Потеряв имущество, Том нашел для себя утешение в потере жены: ведь он был человеком мужественным и стойким. Больше того, он испытывал даже нечто похожее на благодарность к черному дровосеку, так как считал, что тот оказал ему значительную услугу. По этой причине он порешил поддерживать и в дальнейшем это знакомство, но все попытки его встретиться с ним некоторое время не имели успеха; старый плут вел осторожную и осмотрительную игру, ибо, хотя и принято думать, что он является по первому зову, на самом деле ему отлично известно, когда выгоднее всего «показать козырь», и он выпускает его только тогда, когда убежден в верном выигрыше.

Наконец, гласит предание, когда Том окончательно потерял терпение и решил пойти на любые условия, лишь бы не упустить вожаденных сокровищ, он повстречал однажды вечером черного человека, который, как всегда, в одежде дровосека, с топором на плече, медленно прогуливался по краю болота и напевал какую-то песенку. Сделав вид, что ему

в высокой степени безразличны и Том и его попытки к сближению, он продолжал идти своею дорогой, бросая короткие, отрывистые ответы и по-прежнему мурлыча себе под нос.

Тому удалось, однако, постепенно перейти к разговору о деле, и они принялись торговаться об условиях, на которых черный человек соглашался передать ему богатства пирата. Среди прочих условий не было забыто и то, о котором нет надобности распространяться, ибо оно неизменно подразумевается во всех тех случаях, когда дьявол дарит свою благосклонность. Но и между менее существенными условиями были такие, от которых он ни за что не хотел отступить; от требовал также, чтобы деньги, которыми Том завладеет при его помощи, были использованы в его видах. Он предлагал, например, чтобы Том вложил их в работоторговлю, а именно снарядил корабль для перевозки черных невольников. От этого, однако, Том решительно отказался: он и без того достаточно обременял свою совесть, и сам дьявол не мог соблазнить его сделаться работоторговцем.

Встретив со стороны Тома столь большую щепетильность в этом вопросе, он не стал настаивать на своем предложении и высказал пожелание, чтобы Том сделался ростовщиком: дьяволу не терпелось увеличить количество ростовщиков, ибо он смотрел на них как на исключительно полезный для его целей народ.

Возражений на этот раз не последовало, ибо ростовничество отвечало самым сокровенным вкусам и пожеланиям Тома.

– В следующем месяце ты откроешь в Бостоне меняльную лавку, – сказал черный человек.

– Если угодно, я сделаю это хоть завтра, – ответил Том Уокер.

– Ты будешь ссужать деньги из двух процентов помесечно.

– Клянусь Богом, я согласен драть все четыре! – воскликнул Том Уокер.

– Ты будешь требовать уплаты по векселям, отказывать в продлении закладных, доводить купцов до банкротства.

– Я буду доводить их до самого дьявола! – вскричал Том Уокер.

– Вот это ростовщик по мне! – сказал черный плут с удовольствием. – Когда бы ты хотел получить монету?

– Этой же ночью.

– Стало быть, все, – сказал дьявол.

– Стало быть, все, – повторил Том Уокер. И они ударили по рукам и на этом закончили сделку.

Через несколько дней Том Уокер восседал уже за конторкою меняльной лавки в Бостоне. Слава о нем как о человеке денежном, к тому же готовом в любое время предложить ссуду под солидное обеспечение, быстро распространилась по городу и за его чертою. Всем памяты, конечно, времена губернатора Бельчера, когда наличных денег было особенно мало. Это было время кредита. Страна была наводнена государственными бумагами; был учрежден знаменитый Земельный банк; всех обуяла страсть к спекуляциям; народ прямо рехнулся, носясь с проектами заселения отдаленных областей и постройки новых городов в медвежьих углах страны; земельные маклеры возились с чертежами участков, планами населенных пунктов и бесчисленных эльдорадо, находящихся неведомо где, на которые, однако, было довольно охотников. Короче говоря, спекулятивная горячка, которая время от времени охватывает нашу страну, приняла опасные формы, и решительно все мечтали составить себе несметное состояние из ничего. Как всегда, горячка в конце концов миновала; мечты пошли прахом, и вместе с ними исчезли, как дым, воображаемые богатства; люди, только что перенесшие приступ этой болезни, очутились в бедственном положении, и вся страна огласилась стенаниями о том, что наступили «тяжелые времена».

В это столь благоприятное для него время общественных бедствий Том Уокер открыл в Бостоне меняльную лавку. Его контора вскоре наполнилась жаждущими кредита. Сюда

валом валили и впавший в нужду, и прожженный авантюрист, и зарвавшийся спекулянт, и строящий воздушные замки земельный маклер, и расточитель-ремесленник, и купец, кредит которого пошатнулся, – короче говоря, всякий, кто любой ценой и любыми средствами старался раздобыть денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.